

СКАЗОЧНЫЙ МИР ЕКАТЕРИНЫ ПОКАЛИЦЫНОЙ

Однажды в магазине «Православная книга» какой-то покупатель долго рассматривал пасхальные яйца, а потом сказал: «Это Фаберже. И сделана эта копия не человеком». Удивлённым продавцам он долго и авторитетно рассказывал, что здесь не обошлось без суперсовременной техники и швейцарских копиров. Они в свою очередь не стали открывать тайну минского «Фаберже» —

Екатерины Покалицыной.

— Екатерина Андреевна, простите за банальность, как все начиналось? Как становятся художниками? Когда, в какой момент своей жизни к вам пришло осознание того, что вы — художник?

— Как мы знаем, все начинается с детства. Родилась я в Ленинграде. Жили мы тогда с родителями на улице Плеханова у самого Казанского собора. Это грандиозное творение А.Н. Воронихина внушало мне священный страх и даже ужас: мне казалось, что скульптуры собора — князь Владимир, Александр Невский — ночью покидают свои пьедесталы и разгуливают по городу.

— Ваши родители имели отношение к творческим профессиям?

— Мама — врач-педиатр. В блокаду молоденькой девчонкой работала телефонисткой, отец — инженер.

У нас в семье была всего одна-единственная книга, но зато какая!.. «Мифы Древней Греции» Николая Альбертовича Куна. Это и была моя первая прочитанная, ставшая любимой на всю жизнь, книга. У меня будто бы открылись глаза. Я вдруг поняла, что герои, боги — все они — ЖИВЫЕ. И я просто умолила родителей отвести меня к ним — в Эрмитаж, туда, где они, как я

предполагала по своему детскому разумению, живут. Они поразили меня, я была просто зачарована ими — да, действительно — ЖИВЫЕ, красивые, безупречные и... реальные! «Три грации», «Амур и Психея», «Орфей» Антонио Кановы меня в этом лишний раз убедили.

Кун и Эрмитаж — это и были мои первые шаги к творчеству.

Когда мне было 7 лет, сказка летней ночи закончилась — наша семья переехала в Харьков.

Школу вспоминаю без особых восторгов. Единственное, что спасало от школьной рутины, так это рисование. В нежном школьном возрасте я, как и все мои подружки, обожала рисовать принцесс в умопомрачительных платьях. Однако только моих принцесс одноклассники помнят до сих пор. Видимо, память о бесконечно прекрасных богах и героях не позволяла мне рисовать стандартных, безликих принцесс. Я поневоле «подтягивала» их к идеалу.

Екатерина Покалицына:

«Когда я работаю — кажется, что меня не существует!»

После школы поступила в Харьковский инженерно-строительный институт (ХИСИ), на архитектурный факультет. Лекции по строительной специальности мало меня интересовали, вместо конспектирования я рисовала, рисовала для себя, «в стол» и... читала.

Чтение — это моя «трепетная страсть». Но мне почему-то попадались книги без «картинок». Поэтому я и иллюстрировала их, чтобы создать свои образы героев и сохранить таким образом книгу в себе. В этот период я увлекалась Шекспиром, перечитала все его произведения, и первые мои иллюстрации были именно к шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта». Я их просто раздаривала своим

первым восхищенным «почитателям»! Потом я «нарисовала для себя» «Божественную комедию» Данте.

Результаты такого отношения к получению высшего образования были самые неутешительные – в первую сессию я получила сразу три «двойки»: не смогла изобразить балясину в перспективе, натюрморт из трех горшков тоже мне «не покорился». В деканате был уже поставлен вопрос о моем отчислении с формулировкой «по неуспеваемости по проектированию».

Но надо сказать, что на архитектурном факультете очень хорошо преподавали академический рисунок. Согласитесь, трудно передать «застывшую музыку» без умения рисовать. Поэтому все архитекторы – очень неплохие рисовальщики. Это меня и спасло. Наконец-то все количество нарисованного за 4 года перешло в качество! Спасибо великим антикам! На 4-м курсе за «обнаженную натуру со спины» я, единственная с курса, имела твердую «5»! За «драпировку» – тоже!

Таким образом, все пять лет обучения в ХИСИ я «прорисовала в стол, для себя».

На пятом курсе вышла замуж за выпускника военного училища, получила диплом архитектора жилых и общественных зданий и уехала в город Мирный (космодром Плесецк) – к месту службы мужа.

В Плесецке я опять «иллюстрировала» шекспировских Ромео и Джульетту. Это спасло меня от специфической жизни в закрытом военном городке среди глухих архангельских лесов, от скуки буден. Сидела в декрете – и опять «рисовала» Шекспира. В 1973 году я уехала рожать дочку Маринку в Харьков и больше уже не возвращалась в славный город Мирный.

– Чем занимались в Харькове? Страсть к рисованию не прошла?

– Страсть к рисованию – это сродни болезни, которой нельзя переболеть и против которой нельзя получить иммунитет. Она захватывает человека целиком, даря минуты, часы непередаваемого счастья, свободы.

Я работала в проектом институте «Гипровуз» и, стоя у кульмана, рисо-

вала карандашом, пером, маскируясь, прикрывая свои работы чертежом. Постоянно спрашивала себя: «Чем я занимаюсь? Мое ли это дело?»

В этот период я прочла книгу Карела Шульца «Камень и боль» о жизни Микеланджело и сделала попытку биографической исторической иллюстрации.

– А как вы оказались в Минске?

– Мой отец Андрей Опарович – белорус, уроженец деревни Плиса Смолевичского района. Когда ему предложили стать преподавателем военной академии в Минске, семья переехала к месту службы отца.

В Минске я работала в «Белгоспроекте», «Минскпроекте», реставрационных мастерских «Белреставрация».

Все годы после окончания института не оставляла мысли продолжить художественное образование. Два раза поступала в Петербургскую академию искусств, но к сожалению, не поступила, полбала не хватило.

В 1992 году, в день своего рождения, архитектор Покалицына была уволена по сокращению штатов из Белорусского проектно-реставрационного института. Затем – попытки найти работу, жизнь на пособие...

– Как жилось художнице Покалицыной в тяжёлые 90-е?

– В глубине души я где-то даже благодарна тем тяжелым временам. Пригодились все мои умения, приобретенные к этому времени: я умела не только рисовать, но и шить, вышивать, плести изделия из бисера, овладеть мастерством росписи по дереву.

Именно тогда я начала вышивать мужские рубашки, скатерти, панно,

подушечки-игольницы с национальным орнаментом, плела изделия из бисера для художественных галерей, рисовала бабочек для школьных тетрадок, птичек для детского лото.

Однажды, наблюдая, как подруга накладывает акварелью мазки на дереве, я вдруг почувствовала непреодолимое желание сделать что-нибудь подобное своими руками.

В 1994 году брат подарил две заготовки деревянных яиц, которые сам выточил на станке. Предложил расписать. Однако первая работа оказалась неудачной: не подошел лак. Краски пожелтели, появились трещины. А потом вдруг неожиданно легко стала получаться лаковая миниатюра.

Так родились «Георгий Победоносец» и «Ярославская Богоматерь». А затем появились другие миниатюрные росписи – «Святая Екатерина» и «Николай-чудотворец», «Святая Анастасия» и «Богоматерь Троиручница». Так возникла удивительная по красоте коллекция расписных деревянных яиц. На некоторых – лики святых, но это вовсе не копии известных икон древности.

На других — шедевры белорусско-го зодчества: костелы, церкви. На третьих — эпизоды народных праздников. На пасхальных яйцах воплотились самые разные образы: Иисуса Христа, Минской Богоматери, ангела-хранителя, Евфросиньи Полоцкой, Кирилла и Мефодия, последнего русского императора Николая II, его супруги Александры Федоровны и сестры ее Елизаветы.

А вот с пасхального яйца глядит юноша — Святой Себастьян, которого я рисовала долго — «пока он сам не взглянул мне в душу».

Сюжет «Благовещения» родился у меня под впечатлением картины художника эпохи Возрождения Карло Кривелли «Архангел Гавриил и Мария». Это как бы ее миниатюрная копия.

– Катя, почему Вы выбрали ропись именно пасхальных яиц?

– Не случайно у разных народов яйцо имеет символическое значение.

Это — олицетворение будущей жизни, символ пробуждения природы после зимы, победы над смертью. В давние времена как защиту от невзгод и болезней яйцо клали на порог хлева. Его закапывали на поле в землю, чтобы на славу удалась рожь. Освященные в церкви яйца клали в посуду с водой, которой затем все умывались — чтобы стать здоровыми, красивыми. Дети играли с ними в битки, катали с лотков. Со временем появился обычай: крашеными и разрисованными яйцами обменивались на Пасху родственники,

влюбленные. Расписные яйца будто окутаны аурой праздничности. Слово теплый свет струится изнутри. Смотришь на них — и испытываешь умиrotворение.

– А как расписанное Вами пасхальное яйцо оказалось в коллекции британской королевы Елизаветы II?

– В 1995 году, когда я работала в фирме «Слаутасць», мою миниатюру «Гуканне вясны» тогдашний белорусский посол Владимир Счастный выбрал в подарок... не кому-нибудь, а

самой английской королеве, чтобы пополнить ее знаменитую коллекцию пасхальных яиц! Я узнала об этом через несколько месяцев, а могла бы и не узнать этой истории вовсе, но ведь англичане очень щепетильны и педантичны во всем. В белорусское посольство пришло письмо с благодарностью за доставленную Ее Величеству королеве Великобритании радость от столь «очаровательного подарка к Пасхе».

– Наверное, ваши «лаки» есть не только в коллекции британской королевы?

– Мои работы разъехались буквально по всему миру. Они есть у коллекционеров США, Швейцарии, Германии, Чили, Австралии.

– В вашем творческом арсенале есть и расписные шкатулки?

– Самые маленькие мои работы — шкатулки (размером чуть больше пятикопеечной монетки!) с портре-

тами Пушкина и его жены Натали. А самая большая — величиной с крупное антоновское яблоко. Это шкатулка «Охота», сделанная из карельской березы (я работаю с липовыми и букowymi заготовками). На шкатулках я изображаю миниатюрные пейзажи, памятники архитектуры, литературных героев, многочисленные сюжеты из отечественной истории: ослепительно красивая Барбара Радзивилл; барочная сцена из народной жизни, взятая с картины Франсуа Буше, но сделанная на белорусский манер; изящная «Жница»; копия с картины Канута Русецкого; музицирующие на лютнях дамы.

Много сюжетов посвящено народным праздникам, традициям, сюжетам из народной жизни: гулянья на Коляды (рядом с Заславской церковью веселые участники колядной процессии), жниво, праздники — Купалле, Дажынкi, Гуканне вясны (на фоне нежного весеннего пейзажа девушки с соломенными птицами в руках, юноша с жалежкой).

А вот различные вариации «Яблыч-

нага спаса». Я очень люблю обыгрывать эту тему. Ведь яблоко, как и яйцо — символ зарождения жизни! На одной из миниатюр девушки в национальных одеждах несут в церковь для освящения яблоки в корзинах.

— Профессия архитектора накладывает отпечаток на творчество художника Покаличиной?

— Конечно! Это уже на всю жизнь! У меня есть целая серия «архитектурных» сюжетных росписей на шкатулках: Минский кафедраль-

ный собор, очень красивая церковь, что находится в селе Мураванка Гродненской области; одухотворенная любовью пара в старинных одеяниях на фоне минского Свято-Духова собора; строгий силуэт Мирского замка XVI века.

Ав книжной иллюстрации наиболее ярко «архитектурный» нюанс виден в «Сказке о царе Салтане» и особенно в «Русалочке».

— Катя, ваши работы есть в белорусских музеях? Были ли персональные выставки?

— В 2000 году в Национальном музее истории и культуры Беларуси состоялась моя персональная выставка. Были представлены лаковая миниатюра, иллюстрации к «Тристану и Изольде», «Илиаде», «Королю Лиру», «Сказке о царе Салтане», «Снегурочке», «Мещанину во дворянстве».

Пять моих изделий приобрел Национальный музей истории и культуры Беларуси. Несколько работ приобрели музей-заповедник «Заславль» и один из музеев Гродно.

— Вернемся к рисованию, книжной иллюстрации. Как рождается книжная иллюстрация?

— Любая оформительская работа начинается с изучения эпохи и костюмов. Нахожу все это по крупницам в многочисленных книгах. Например, для «Ромео и Джульетты» искала специальную литературу по искусству фехтования на шпагах в эпоху Возрождения, чтобы достоверно передать пластику в сцене поединка Ромео и Меркуцио.

Часто к изображению различных сюжетов меня «подталкивают» сами книги. Я покупаю их «безоглядно и безрассудно»: трачу последние деньги на покупку исторических романов, исследований по истории и книг по искусству.

Люблю древнерусскую живопись, классическое искусство XIX века, картины западных мастеров Средневековья, но мое «любимое время» в искусстве — эпоха Возрождения.

Прежде чем сделать даже новую миниатюрную роспись, создать новый образ, я много читаю — историческую, религиозную, художественную литературу.

– Что сделано? Что задумано? О чём мечтаете?

В 2002 году в издательстве «Минская фабрика цветной печати» вышла в свет сказка Ш.Перро «Золушка». В 2005 году — пушкинская «Сказка о царе Салтане». Готовится к печати «Русалочка».

В иллюстрации к этой сказке Андерсена очень много (я всё-таки архитектор) архитектурного фона и цвета, характерного для чертежей — белого, серого, чёрного. В работе над «Русалочкой» очень много внимания уделялось поискам цвета. Открытием стали для меня новые возможности такого цвета, как охра. Темно-зеленая

умбра — цвет болота; очень теплый, уютный цвет оказался просто находкой для изображения подводного царства и его обитателей. Очень звонкий цвет — красный пурпур стал цветом радости, торжества, тревоги, опасности, мечты и печали.

Мое заветное желание — увидеть когда-нибудь полностью оформленную мною книгу, в которую я вложила бы все свое мастерство и знания. Я мечтаю проиллюстрировать сборник сказок Андерсена, сборник итальянских сказок, любимых «Ромео и Джульетту», «Сирано де Бержерак», «Тристана и Изольду», пушкинский «Пир во время чумы», «Властелина колец» Толкина. Издатели, а-у-у!

– Катя, а у вас есть любимые работы?

– Есть! Одну из своих работ, самую любимую, я не показываю никому — боюсь, чтобы не засмотрели и... чтобы не захотели купить.

Татьяна ЛЫЧАГИНА

А ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

- ✓ Наш организм на две трети состоит из воды. Потеря 15 % влаги может быть смертельной.
- ✓ Люди с голубыми глазами лучше видят в темноте.
- ✓ 70 % запасов пресной воды на Земле приходится на льды.
- ✓ У Людовика XIV, известного как Король-Солнце, было 413 кроватей.
- ✓ Рост российского государя Петра I составлял примерно 213 см.
- ✓ Слон — единственное животное, не умеющее подпрыгивать.
- ✓ Несмотря на горб, позвоночник у верблюда прямой.
- ✓ Картограф, генерал-лейтенант генерального штаба И. И. Ходзько составил первую точную карту расположения кавказских минеральных вод.
- ✓ Установлено, что если вы нахмуритесь 200 000 раз, на лбу образуется 1 морщина.

Эта рубрика – для тех, кто ленится делать шпаргалки самостоятельно! Надеюсь, наши шпаргалки помогут тебе лучше изучить школьные предметы и подготовиться к экзаменам и централизованному тестированию!

Неисчисляемое исчисляемое существительное, или Почему советов не может быть много?

Она подстригла свой волосы.
Ворота закрыто.

Деньги лежит на столе.

Похоже на речь иностранца? Даже самое прекрасное произношение может смешно звучать

из-за незнания грамматики.

Будьте внимательны! Числа в русском и английском языках иногда не совпадают. А все потому, что мы, русскоговорящие, можем сосчитать то, что другие не могут, и наоборот. Напишем шпаргалку?

Итак, советов много не бывает! **Advice** (совет, советы) – в отличие от русского, неисчисляемое существительное в английском языке. Потому оно не употребляется во множественном числе и перед ним не ставится артикль *a/an*. Просто *You need advice*. Ну а если все-таки хочется дать парочку(!) советов, скажите *some advice* или *a piece of advice*.

Let me give you some advice: смешной (неправильный) русский вариант запоминается лучше. Так что можете сказать мне в ответ: «Да не нужны нам твои совет!»

Знаний, как и денег, видимо, тоже много не бывает, а потому и **knowledge**, и **money**, **IS** неисчисляемое, несовместимое с артиклем *a/an* и всегда в единственном числе.

This money belongs to me. – Эти деньги принадлежат мне.

This knowledge is passed down through the generations. – Эти знания передавались из поколения в поколение.

Еще одно несовпадение – **news** (новость, новости) – хотя и заканчивается на *-s* – только **IS good**. (Только хороший новости):

Hair (волосы) – это тоже что-то, что англичане не смогли сосчитать, потому употребляем только в единственном числе и без неопределенного артикля.

My hair is dark. – У меня темные волосы.

Ну как успехи? Хотя на английском я бы спросила: как успех? **Progress** (успех, успехи) – еще одно существительное, которое в английском является неисчисляемым.

I am satisfied with your progress. – Я удовлетворена вашими успехами. Так что можем продолжать.)

Ну и раз уж начали с того, что напутали англичане, перейдем к существительным, которые мы привыкли

употреблять в единственном числе, а они только во множественном.

Goods (товар), **contents** (содержание, содержимое), **clothes** (одежда), **proceeds** (выручка), **police** (полиция), **cattle**(скот), **wages** (зарплата) всегда **ARE**.

Police are looking for a man they believe stole 7,000. – Полиция разыскивает подозреваемого в краже семи тысяч фунтов.

These goods have arrived from Beijing. – Этот товар (эти товары) прибыл(и) из Пекина.

Ну что, **people**, вы еще не устали? Тогда разберемся в самом сложном: почему иногда перед неисчисляемыми существительными появляется артикль *a/an* и почему во множественном числе употребляются существительные, которые, казалось бы, не должны...

Например, **people**. В смысле «люди» оно употребляется во множественном числе.

There were many people there. – Там было много народу (много людей).

Но если под народом подразумевается какая-то нация, то оно употребляется как во множественном, так и в единственном числе.

Many different peoples live in London. – В Лондоне живет много людей разных национальностей.

Не попадитесь на крючок вместо **fish** (рыба).

Существительные **deer**(олень), **sheep** (овца), **fish** (рыба) выглядят одинаково в единственном и множественном числе. Однако, если речь идет о различных видах рыб, то тогда нужно использовать другую форму множественного числа – **fishes**. Можно наловить много **fish(рыбы)**, но разных **fishes** (щуку, окуня и акулу.)

Fruit – тоже тот ещё фрукт! Вообще **fruit** (фрукты) употребляется только

в единственном числе.

Fruit is cheap in summer. – Фрукты дешевле летом.

Но опять же, если мы хотим сказать о разных фруктах, то пользуемся формой **fruits**. Например, на столе лежат и бананы, и апельсины, и виноград, и другие **fruits**.

Только что мы выучили, что перед неисчисляемыми существительными не ставится артикль *a/an*, но увидели волос в супе и кричим: «*There is a hair in my soup!*» В чем дело?

Оказывается, неопределенный артикль появляется тогда, когда имеется в виду отдельная единица чего-то неисчисляемого или какая-то разновидность чего-то неисчисляемого. Тогда же мы можем встретить неисчисляемые существительные во множественном числе. Понятно, что в суп не могла попасть целая коса, и, чтобы подчеркнуть, что это всего лишь один волосок, мы поставили артикль *a*.

С разновидностью мы имеем дело, говоря о **coffee, tea, juice, soda** (кофе, чае, соке, газировке).

I'd like some coffee. – Я выпил бы кофе (не чай, не сок, а именно кофе, но не весь существующий в мире, а какое-то количество кофе, потому *some*). *Please bring us two coffees.* (Имеется в виду 2 чашки кофе.)

I drink tea every morning. – Я пью чай каждое утро (не кофе, не сок, а именно чай).

That shop has many different teas. – В том магазине есть много разного чая (сортов чая).

Ну а теперь действительно можно выпить чашку чая – шпаргалка готова. Надеюсь, эта **information IS useful for you**. Удачи!

Подготовила Вероника РАЖАНЕЦ,
студентка Института
журналистики Белгосуниверситета